

Гарольд Лэмб

ВЛАДЫКИ МИРА

КАРЛ ВЕЛИКИЙ

Основатель
империи
Каролингов

Гарольд Лэмб

**Карл Великий. Основатель
империи Каролингов**

«Центрполиграф»

2010

Лэмб Г.

Карл Великий. Основатель империи Каролингов / Г. Лэмб —
«Центрполиграф», 2010

В книге повествуется о начале нового периода мировой истории, ознаменованного победоносным шествием короля франков, ласково прозванного Шарлеманем. Впоследствии победитель лангобардов и саксов, покоритель сарацин, тот, кому верно служили Роланд Бретонский и Гильом Тулузский – легендарные рыцари франков, – стал императором всех христиан Карлом Великим.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Гарольд Лэмб

Карл Великий. Основатель империи Каролингов

*Из старых сказаний мы узнаем о подвигах героев...
Здесь вы прочтете о борьбе отважных людей.
Песнь о Нибелунгах*

Предисловие

Его звали Карл. В течение многих поколений после его смерти люди помнили его как Карла Великого и прозвали его Шарлеманем.

Это имя, помимо своей необычности, начинало символизировать нечто особенное. Шарлемань, в отличие от большинства других королей, похоже, принадлежал не одной нации, а всем нациям Западной христианской Европы, поскольку к концу своей жизни ему удалось объединить эти народы в одно сообщество христиан. Сделав это, он вселил в них надежду.

В его время цивилизация и среда человеческого обитания вырождались. С уходом римских легионов упорядоченная жизнь – тот механизм, что поддерживает нас сегодня, – медленно уходила из варварских народов (наших предков) Атлантического побережья. Некоторые из них, например визиготы и лангобарды, переселились в распадающуюся Римскую империю, сохранив при этом воспоминания и кое-что из предметов роскоши исчезающей цивилизации. Но франки, народ Шарлеманя, слишком поздно появились на сцене.

Они очутились в лесной глуши, где правила грубая сила. Область, в которой они обосновались, располагалась между реками Луарой и Рейном. Их все пугало – видения ведьминога шабаша, ночные скачки дьявола по лесам. Некоторую надежду в них вселяли предсказания миссионеров, вроде ирландца Колумбана¹, обещавших спасение их душ и возможное второе пришествие на землю Иисуса Христа.

Франки были людьми, наделенными достаточной физической силой, вели свое происхождение от германских племен, имели богатые боевые традиции – знали сагу о герое Беовульфе², оторвавшем руку у чудовища Гренделя, которого нельзя было поразить никаким оружием. Но при всем том они были привязаны к земле и зажаты в своем уголке Европы еще более дикими и необузданными племенами славян и восточных кочевников. Кроме того, они были отрезаны от моря, где властвовал мощный флот города Константинополя, сохранившего греко-римскую культуру. За морем набирал силу враждебный им ислам, религия арабов. Во мраке VII века казалось, что мир франков гибнет, и многие полагали, что конец наступит в 1000 году от Рождества Христова.

Гораздо большую опасность, чем физическая смерть, представляли медленное угасание разума, отсутствие письменности, разрушение универсального латинского языка, переход на различные местные диалекты и потеря идеалов. Местные уроженцы, выжившие в Римской Галлии, утратили свои древние навыки, а франки, их хозяева, понятия не имели о цивилизованном государстве, где император правил людьми по закону. Они были верны избранным племенным вождям; одному из них, Дагоберту, удалось объединить раздробленную нацию; Карл Молот, вождь, воитель, после битвы при Пуатье оттеснил мусульманских захватчиков из Галлии на

---

¹ Колумбан (ок. 540–615) – ирландский монах, проповедник христианства в Западной Европе. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Беовульф – мифологический герой англосаксонского эпоса.

юг и собрал средства, конфисковав церковное имущество; его сын, Пипин Короткий³, пытался окончательно закрыть арабам доступ в Южную Галлию, одновременно сплачивая своих франков в нацию, способную править другими.

Но только Карл, внук Молота и сын Пипина Короткого, получил прозвище Великого, его владичество стало владичеством империи Каролингов, а попросту империи Карла, отличавшейся от других империй.

Потом на Западе произошло нечто совершенно уникальное. Память об этой исчезнувшей империи сохранилась на века; она стала силой, создавшей новый мир на Западе. Карл сам стал легендой, легендой Шарлеманя, разросшейся и распространившейся по всем христианским землям. Это была не просто память о воображаемом золотом веке или необычайном монархе. Это было нечто, принадлежащее всему человечеству. В течение короткого периода времени этот правитель вел людей к невообразимым достижениям, которые были затем для них утеряны. Память о нем, если можно так выразиться, покинула стены дворцов и церквей, поселилась в простых жилищах и стала путешествовать по дорогам. Карла воспевали в песнях и балладах. И в течение последующих четырех столетий эта память влияла на события в мире.

---

³ Пипин Короткий – король франков, прозванный Коротким за малый рост.

Глава 1

СТРАНА ЛЕСОВ

Помолившись апостолу, святому Фоме, он впервые в жизни в 753 году н. э. отправился в самостоятельное путешествие. Снег и грязь покрывали тропы.

До сих пор ему не приходилось командовать вооруженным отрядом, равно как и владеть лесами или полями под своим именем. Ему было 11 лет. Высокий рост, широкие плечи и кисти выдавали в нем недюжинную силу. Темные волосы у него были коротко пострижены, он обладал пронзительным голосом.

Обычно его называли сыном Пипина Короткого. Те, кто по каким-либо причинам ненавидел его, звали мальчика Кёрлом⁴. Это прозвище подходило ему, хотя настоящее его имя было Карл.

Он сразу же заявил, что, невзирая на снег и непогоду, собирается как можно быстрее завершить рискованное путешествие и встретить странников, спустившихся с Альп в страну франков. Набросив овчину поверх кожаной туники, он покинул двор своего отца в Тионвилле. Подросток забыл взять подарки для незнакомых путников, но позаботился о лошадях для своего отряда. Его сопровождали Керольд, воин в полном вооружении, и компания лесничих – с ними он только позавчера охотился на оленей. Не имея под своим началом ни подданных, ни знати, упрямый юноша ничем не отличался от своих друзей-охотников, с которыми болтал, выпивал и купался, когда пригревало солнце.

Когда он вместе со своим отрядом отправился в путь по размытой грязной тропе и исчез в снежной мгле, кое-кто из провожающих рассмеялся и весело заметил, что Кёрл отправился встречать святого отца, посланца самого папы из собора Святого Петра, так, словно собрался поохотиться на оленя. Сам Пипин ни единым словом не выразил ни упрека, ни похвалы своему сыну. У сурового Пипина вошло в привычку держать своего первенца при себе и наблюдать за ним, а не поучать сына или давать ему советы. Никто толком не мог сказать, хорошо это было или плохо для подростка.

В результате бешеной скачки, периодически меняя седла на усталых, проваливающихся по колени в грязь лошадях, принц Карл со своими товарищами очень быстро одолел расстояние в 30 лиг⁵ и очутился у постоянного двора. Он был рад путешествовать в одиночку, без сопровождения аббата Фулрада или главного конюшего, которые наверняка досаждали бы ему своими советами и заботой. Это была первая важная миссия, доверенная ему отцом.

Во время своего путешествия они весело пели. Пар от заморенных лошадей превращался в туман. Шестеро его спутников радовались, глядя на веселого юношу.

Он говорил, что Арнульфингам, как правило, сопутствовала удача. Это повелось с того случая, когда Ар-нульф, родоначальник династии, поставил на кон свою судьбу. Он бросил свое кольцо с печаткой в реку Сену и сказал: если оно вернется к нему обратно, это будет означать, что ему на роду написано править своим народом. Что ж, кольцо исчезло в волнах реки. Прошли годы, и в один знаменательный день Арнульф на обед подали рыбу. Когда ее разделали, из брюха выпало кольцо. Не иначе как сам Бог приложил к этому руку.

– На пути встретилась река, и не было брода, – рассказывал воин Керольд. – И тьма опустилась на землю. Когда Карл очутился на берегу реки, его опередил белый олень. Он прыгнул в воду, и его рога отсвечивали на солнце золотом. Карл последовал за ним, и в реке действительно показался брод. Те, кто последовали примеру Карла, едва ли замочили свои ступни.

---

⁴ Кёрл, Churl (*англ.*) – мужлан, деревенщина.

⁵ Лига – английская мера длины, равная 4,83 км.

Множество историй, рассказанных о Карле, связаны с реками и охотой. Ему нравилось слушать, как его друзья повествуют о его удаче, поскольку сам Карл не обладал ни опытом, ни мудростью.

Итак, когда, преодолев расстояние в 30 лиг, отряд подъехал к постоялому двору, юноша решил, что удача действительно сопутствовала ему. У стогов сена и в самой конюшне сгрудилось много лошадей, поэтому создавалось впечатление, что на постоялый двор прибыли преподобные посланцы из Рима.

Однако у дверей постоялого двора их встретил сеньор Окер – военачальник, неоднократно бывавший в Риме по приказу своего короля Пипина.

– Далеко ли твой отец? – спросил он, узнав в юнце долговязого Карла. Ловкий, резкий на язык придворный, он не считал нужным наградить Пипина каким-либо титулом.

– Отца со мной нет. Он послал меня встретить Стефана, святого отца из Рима. Где он?

Окер нахмурился. Внимательно посмотрев на юношу, он объяснил, что папа Стефан и сопровождающие его лица из собора Святого Петра преодолели немалые трудности, пересекая горный перевал, и в настоящее время не спеша путешествуют, покинув обитель Святого Морица. Один из них умер в этом монастыре.

Окер, оккупировавший со своими людьми постоялый двор, не собирался уступать жилище Карлу и его спутникам. Подростку же он высказал коротко и ясно, что не подобает королю франков посылать своего юного сына встречать папского посланца во главе отряда лесных людей без всяких подарков.

На это юноша отреагировал резко и гневно, заявив, что не собирается квартировать на постоялом дворе, где Окер расположился с таким комфортом. Ему предстоит встретить посланцев папы, и он не собирался отказываться от своей миссии.

Окер вернулся к очагу и проворчал:

– Кёрл.

Снег затуманил небо и морозил пальцы вооруженному отряду. Усталые лошади брели, спотыкаясь, с сожалением покидая теплые конюшни и стога сена. Керольд и лесные жители молчали, поскольку были преданы Карлу душой и телом.

На землю спустились сумерки, отряд окутала лесная мгла, и люди спешили, чтобы отдохнуть. Карл не мог подыскать места для ночлега, но он никогда в жизни не остался бы ночевать вместе с Окером. Ему не позволяла сделать это его гордость.

Неожиданно юноша рассмеялся и заметил:

– Пора бы, дорогие друзья, появиться тому белому оленю и снова указать нам путь.

После этих слов его спутники с большей охотой двинулись в путь, ободренные веселой речью Карла. Это было похоже на путешествие во тьме египетской, как вдруг один из всадников заметил впереди огонь, и все решили, что это горит очаг в усадьбе.

Но впереди у них на пути виднелись еще огни. Оказалось, что это факелы движущегося отряда. Карл и его спутники осадил лошадей, потому что их было недостаточно, чтобы противостоять такому большому количеству людей – это могли быть мародеры.

И тут Керольд выругался:

– Олень или не олень, но разрази меня гром, если это не преподобный посланец святого Петра!

Так оно и вышло. Эскорт папы, застигнутый врасплох темнотой, осторожно пробирался по дороге в поисках пути к какому-нибудь убежищу. Взмолнованный Карл забыл про собственную усталость. То, что они встретились в темноте с папой, – редчайшая удача!

Когда встречные путники узнали, что он обещает им радушный прием и гостеприимство франков, они подвели Карла к закутанной фигуре на белой лошади. Карл услышал усталый голос, спросивший его, где находится сам король.

Слезая с коня и запинаясь от волнения, Карл попытался объяснить, что король Пипин ожидает святого посланца Рима в теплом просторном зале в Тионвилле. Не зная, что еще сказать, он с беспокойством ждал ответа. Чей-то посторонний голос повторил его сбивчивое объяснение на четкой книжной латыни.

Очевидно, закутанные римляне почувствовали неладное оттого, что Пипин лично не явился встретить их. Напрягаясь, чтобы понять незнакомую речь, Карл осознал, что это было резкое приглашение ему и его спутникам подъехать и поприветствовать этого Стефана. Голос самого Стефана еле слышался: святого отца сильно утомили ветра и холод горных перевалов.

Тут Карл вспомнил, что не привез с собой никакого подарка. Краска стыда залила его лицо.

– Святой отец, – пронзительно воскликнул он, – я бы привез вам в подарок прекрасные ткани и дорогие изделия из золота, но у меня ничего нет, кроме охотничьего оружия и нескольких книг!

Белое усталое лицо в меховом капюшоне нагнулось поближе к Карлу, чтобы повнимательней рассмотреть подростка.

– Храбрый мальчик, – произнес путник, – зачем говорить о подарках? Достаточно того, что ты, Карл, глубокой ночью проехал сквозь лесную чащу, чтобы встретить нас и предоставить нам кров.

Карла успокоило то, что великий посланец Рима ясно и четко произнес его имя так, что оно не прозвучало как приглушенное Кёрл, а, наоборот, как звон колокола – Carolus.

Он никогда не забудет этого благословения, и, проезжая мимо воинов с копьями, Карл не переставал думать об этом, и стыд оставил его. И затем он начал смеяться, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться во весь голос. От его отряда отделился Керольд и, подъехав к Карлу, прошептал:

– Что на тебя нашло?

– Мне пришло в голову, – выдохнул Карл, – как мы выгоним благородного Окера из его уютного гнездышка в ночь на холод, чтобы освободить места для отдыха всем этим епископам, пресвитерам и писцам.

Его смех громко звенел над тихой заснеженной дорогой.

Эта первая миссия Карла закончилась после Рождества, обозначившего начало 754 года. Когда он заметил наконец дым над мокрыми крышами Тионвилля, у дороги их ожидали архикапеллан Фулрад в своей мантии и коннетабль в доспехах в полном вооружении.

Потом Карл увидел разрушенную арку старых римских ворот и стоявшего рядом отца в новой небесно-голубой мантии, опоясанного мечом с золотой крестообразной рукоятью. К удивлению Карла, Пипин слез с седла, подошел по грязи к лошади папы, взял ее под уздцы и провел сквозь ворота. Он проделал это как простой грум.

– За все, что делает этот Пипин, – пробормотал Окер, – кое-кто заплатит.

Карл щелкнул пальцами в знак пренебрежения к этим уничижительным словам.

Однако, когда все они прошли через толпу феодалов, как светских, так и церковных, в теплый просторный зал и зашли в часовню, чтобы возблагодарить Господа за благополучное окончание долгого зимнего путешествия Стефана, случилась странная вещь.

Усталый путник, сам папа римский, преклонил колени на ступенях алтаря перед Пипином.

– Король Франкского государства, – воскликнул старик, – во мне ты видишь просителя! Я не приму твоей руки, чтобы подняться, до тех пор, пока ты не поклянешься оказать мне помощь против моих врагов.

Возможно, он слишком устал, возможно, это был просто пожилой и расстроенный человек, но из его глаз по впалым щекам катились слезы. Карлу хотелось посмотреть, как его отец будет поднимать Стефана.

Пипин, однако, стоял неподвижно, выпятив квадратный подбородок. В его теле ощущалась сила, а в мыслях – осторожность. Какое-то мгновение плачущий церковник и задумчивый воин смотрелись как две мозаичные фигуры рядом с алтарем. Эта картина навечно запечатлелась в памяти Карла.

Затем, не произнося ни слова, Пипин протянул руки и поднял старого Стефана с колен.

Исполнив возложенную на него миссию, Карл вернулся к обычной жизни во дворце, где у него пока не было других обязанностей, кроме как проводить дни в качестве внебрачного сына Пипина.

Пипин Короткий не был рожден правителем. Как и все его предшественники из клана Арнульфингов, угрюмый молчаливый дворянин был управляющим или, как их тогда называли, мажордомом королевства. Он был первым среди пэров Франкского государства, которые до сих пор хранили верность истинному королю, последнему в династии Меровингов⁶.

Действительно, Пипин твердой рукой управлял государством, в то время как последний Меровинг ежегодно просто приезжал на сейм в традиционной повозке, влекомой парой флегматичных волов, которыми правил длинноволосый крестьянин. На сейме толстый рыжий трутень Меровинг стоял лицом к лицу с собравшимися и давал свое согласие на то, что они уже сделали или собирались сделать.

За два года перед этим лорды государства франков могли бы собраться вместе и выбрать мажордомом другого человека вместо Пипина. Однако Пипин, главный среди них, имел за спиной мощную гвардию; каждый год он водил армию франков в военные походы. Он твердо держал в руках эту силу, потому что знал, как ею управлять. Поэтому он отправил Фулрада послом в Рим, чтобы спросить у папы римского: «Почему бы ему, Пипину, который обладает всей властью в королевстве, не иметь также и соответствующий титул?» Папа согласился.

Вот почему последнего Меровинга, почти забытого Хильдерика III, отвезли не на ежегодный сейм, а в лесной монастырь. Его оторвали от комфортабельной усадьбы, вкусной еды и женщин, посадили в повозку и увезли, чтобы остричь его прекрасные рыжие волосы. Сейм провозгласил Пипина королем, отец Бонифаций возложил на его круглую темную голову корону из чеканного золота, и вот уже в течение двух лет Пипин правил как настоящий король.

Однако великие магнаты вроде Окера никогда не поддерживали его притязаний на трон. Они помнили, что он один из них. В силу необходимости, но очень неохотно они подчинились, поскольку Пипин, сын прославленного воителя Карла Мартелла (Молота), успешно правил людьми.

В эти нелегкие дни, когда казалось, что христианский мир погружается во мрак и дни его сочтены, франки вспоминали далекое золотое время, когда первые Меровинги привели их с побережья, когда золота было предостаточно, когда активно использовались торговые пути, проложенные еще во времена Римской империи.

Карла никто этому не учил. Он узнал об этом из обрывков историй, рассказанных в седле, или из перешептываний, доносившихся до одиннадцатилетнего подростка, часами простаивавшего за спиной отца. От заутрени и до обедни Пипин не отпускал его от себя, заставляя выслушивать просьбы и жалобы людей, ждущих королевской милости. Это была суровая школа.

Его мать настаивала на изучении священных книг. Только в сонные, послеобеденные часы и до того времени, как отправиться спать, мог Карл обращаться к этим книгам под руководством дьяконов, обучавших мальчиков в дворцовой школе. Поскольку дьяконы имели склонность к мясу и вину, то наука чисел и изучение физических явлений сводились к вопросам и ответам.

– Если вы собрали тридцать каштанов и каждый день съедаете по пять штук, то на сколько дней недели хватит каштанов? До того дня, когда Бог отдыхал, то есть до воскресенья.

---

⁶ Меровинги – династия франкских королей, предшествующих Каролингам.

Что такое свет? Факел, который все показывает.

Все, что мальчикам требовалось знать, – ответы на эти вопросы. Занимаясь риторикой, они громко читали священные книги:

– «Плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы».

Они читали о том, как погиб Саул и какая участь постигла город Содом.

Но эти ответы на вопросы и чудесные события, описанные в книгах, по мнению подростка, не имели ничего общего с суровой, давящей обстановкой на приемах отца.

Помимо занятий в школе, он тренировал умение обращаться с оружием. Оружие вручил ему его дядя Бернард. После того как Фулрад благословил оружие у алтаря, подросток, опустившись на колено, принял в свои руки железный щит, длинный меч с поясом и легкое копье из ясеня. Теперь летними вечерами старый фехтовальщик, служивший у коннетабля, обучал его обращаться с мечом, щитом и тяжелым кривым ножом, которым пользовались, чтобы парировать удар или нанести ответный. Будучи долговязым, подросток легко мог держать щит на отлете от лошади; он хорошо держался в седле, крепко сжимая ногами бока лошади; но он был слишком неловок, чтобы на полном скаку точно метнуть шестифутовое копье в мишень.

– Пусть выбежит медведь, – кричал он своему наставнику, – и ты увидишь, как я свалю его дротиком!

Его охотничье снаряжение, состоявшее из метательных дротиков и небольшого лука с длинными и короткими стрелами, было привычно его сильным рукам и придавало ему уверенности. Однако тяжелый стальной наконечник боевого копья трудно было бы всадить в нападающего медведя.

– Да, – проворчал закаленный в битвах ветеран, – но у медведя, ваша честь, нет щита.

Это рассердило Карла, знавшего, что он не уступит самым быстрым всадникам. Понаблюдав, как юноша практикуется со своим вооружением, Бернард, командовавший рекрутами из восточных франков, молча, как Пипин, покачал головой. Затем потер свой подбородок, сказал:

– Юный друг, у тебя есть сноровка, но нет умения.

– Если ваше превосходительство даст мне задание, я его выполню.

Серые глаза Бернарда выразили укор подростку за его темперамент.

– Это больше чем просто задание! Норманну не нужно задание, чтобы управлять судном. Возьмем гунна, он рожден для седла.

– А разве франк...

– Франк рожден для леса.

Когда Карл оставил позади последние поля с фруктовыми и ореховыми деревьями и въехал в лесной полумрак, он сразу стал осторожен и одновременно спокоен. Он мог идти по следу оленя через самую густую дубраву. Боковым зрением подросток примечал белок, скачущих по деревьям, и быструю смену света и тени там, где украдкой пробирался барс. Охотничьи собаки, мчавшиеся по склонам холма, восторженно приветствовали его.

На такой лесной тропе Карл был знатоком своего дела. Едва уловимые шорохи приводили его к пасущемуся оленю или медведю. Он чутьем выдерживал направление, уверенный в том, что всегда выйдет куда надо. Если Карл решал провести ночь в лесу, он всегда мог отыскать ручей и развести костер.

Леса широко разрослись. Темные горные ели заполонили распаханые земли в долинах, так как веками никто не противостоял их распространению. Часто в лесной чаще подросток наткался на каменную кладку покинутых деревень.

Его охотники верили, что в этом лесу до сих пор разъезжает Черный Всадник, а на холмах в новолуние можно увидеть костры ведьминога шабаша. Из глубины ручьев, там, где лавр оплетал ветви раскидистых дубов, смотрели русалки, особенно осенью, когда полная луна висела в небе, как маяк.

Тем летом Карл обнаружил, что было в мыслях у Пипина, когда тот подавал руку и обещал помочь умоляющему Стефану. После сейма «майского поля» королевский двор переехал в Париж. Туда Карл отправился с радостью, потому что в реке Сене водилось много кефали и другой крупной рыбы.

Могущественные феодальные сеньоры поехали со спокойной душой, так как в своих поместьях они закончили вспашку и сев. Пипин со своей семьей поселился в заброшенном дворце Юлия Цезаря на холме рядом с островом Париж. Когда-то короли династии Меровингов хотели возвести на этом месте великий город Париж. Особенно этого хотел похороненный здесь Дагоберт. Но более грубые Арнульфинги, возможно, потому, что не хотели идти по стопам других королей, забросили этот остров. Остров зарос ежевикой и был более известен под римским названием Грязный.

Впервые в жизни у Карла имелась своя комната в этом дворце римлянина Юлия Цезаря. Епископ Фулрад, живой и энергичный, радуясь приезду королевской семьи, рассказал Карлу, что очень давно в этом самом месте римские войска провозгласили Юлия Цезаря императором. В отличие от отца Фулрад гораздо лучше старался объяснить подростку дела давно минувших дней! Пипин, вечно занятый, если только не размышлял о чем-нибудь, становился нетерпелив, когда Карл не понимал таких вещей.

Это значило для подростка гораздо больше, чем мозаичный пол, на котором он спал и который вызывал у него неприятные ощущения даже через ночную одежду.

Впрочем, он всегда мог вылезти ночью через пролом в стене и растянуться на мягкой траве, слушать журчание реки и наблюдать за рыболовными лесками, которые Карл с другими ребятами ставил на ночь, до тех пор пока лучи восшедшего солнца не разгоняли туман с реки.

В добавление к одинокой пышности его комнаты и суете Фулрада вид платья его матери предупредил Карла о готовящейся церемонии. Это была не просто новая одежда для зала или верховой езды, а переливающееся шелком и золотой нитью одеяние, туго облегающее шею и плечи и широким куполом спадающее к ногам. И хотя ходить в нем было трудновато, она сияла от радости и, примерив платье, гордо выступала в нем, а прислужницы хлопали в ладоши. Несмотря на то что в ее жилах не текла благородная кровь, Карл думал, что в этом новом облегающем платье его мать, Бертрада, выглядит настоящей благородной дамой.

Когда он восхищенно закричал, Берта, как ее называл Карл, преклонила колено и склонила голову, словно доставляя удовольствие могущественному человеку. Она понимала, что он чувствует.

На первых порах Карл не придавал значения своему рождению, поскольку Берта была любимой наложницей его отца, который и женился на ней спустя несколько лет после рождения мальчика. Люди посмеивались, глядя на Карла, идущего в свадебной процессии к алтарю.

Но в последние два года подросток обратил внимание – он всегда быстро замечал подобные вещи, – что никто больше не шутил и не смеялся. Керольд объяснил ему, что если Пипин истинный король, то должна быть разница между отпрыском любовницы и сыном королевы. Карл решил, что это не так важно. Однако, возможно, это тесней сблизило сына с энергичной требовательной матерью. Берта всегда была готова принять его сторону в ссоре с отцом, словно чувствуя, что следует уравнивать баланс сил. Наоборот, его отец никогда не стал бы потакать Карлу. Пожалуй, Пипин очень сильно любил ребенка, рожденного в законном браке. Карломану было всего три года, и он всех восхищал своим веселым нравом.

За день до церемонии они все отправились к серой каменной базилике Великомученика святого Дени (Дионисия), который принял мученичество, когда ему отрубили голову. С тех пор он почитается как апостол города Парижа. Папа римский Стефан удалился в этот монастырь в ячменных полях, чтобы восстановить силы после трудного путешествия.

После вечерни Берта попросила Карла остаться с ней, чтобы помолиться на каменных ступенях. Карлу хотелось отправиться исследовать леса, в которых он давно не был.

– Нет, останься со мной, – попросила она и быстро добавила: – Любимый сын, близок час, когда ты, возможно, не станешь делать того, что диктует тебе упрямство, как это было до сих пор.

Хотя это прозвучало как близость тяжелых испытаний, сама мысль об этом, казалось, развеселила ее. Чтобы быть уверенной, что он останется, она сжала его руку горячей ладонью. Берта пахла чистыми, вымытыми волосами и свежим льняным полотном. Карл охотно остался с матерью, потому что при свете свечей в апсиде открылась удивительная картина. Там обезглавленный святой Дени, или Дионисий, наклонился поднять свою голову у ног рослого палача.

Многие из тех, кто задерживался при свете свечей, восхищенно смотрели на преклонивших колени в молитве энергичную женщину и высокого подростка. Вблизи от Карла прошла стройная женщина с веснушками под глазами и всклокоченными растрепанными волосами. Но взгляд ее серых глаз, в которых читалось немое уважение, был устремлен на него. Не обращая внимания на уставившуюся девушку, Карл склонил голову с величавым достоинством, довольный тем, что выполнил желание своей матери.

Потом девушку увели. Он рассматривал святого Дени, рядом с гробницей которого покоился его грозный дед Карл. Вне всякого сомнения, такие святые великомученики, сидя рядом с троним Господним на небесах, обладали огромной властью над земными событиями. В это глубоко верила его мать. Однако Карл помнил, как Стефан стоял на коленях перед его отцом, взывая к силе оружия.

– В таком случае чья же сила восторжествует?

День церемонии выдался ясным и жарким. Сухой сладкий дух шел с лугов, подступавших к дороге. Карл всегда воспринимал июль как месяц сенокоса.

В полях никто не работал, поскольку все собрались у церкви Сен-Дени. Люди толпились снаружи, потому что каменное здание было слишком мало, чтобы вместить всех желающих. Внутри находились только графы и знатные сеньоры. Но толпа в полях слушала трубные раскаты органа, который доставили специально, чтобы добавить торжественности празднику. Хотя этот странный инструмент скрипел и шипел, на дороге, на расстоянии, он звучал, по крайней мере для Карла, как трубы архангелов.

Да, никогда ему не приходилось быть свидетелем подобного триумфа: его величавая мать, ехавшая верхом до самого входа, чтобы колючки не попали на юбку, и два ряда дворцовой охраны с алыми плюмажами на вычищенных до блеска шлемах. Охрана отгоняла тупыми концами копий тех, кто был слишком пьян и пытался вломиться в храм Господень.

Долговязому Карлу казалось, что вся страна собралась лицеизреть почести, оказываемые его семье. Сам орган проделал долгое путешествие из далекого Константинополя. Мягкие высокие красные туфли на ногах Карла были куплены у мавританских купцов.

Карл долго ожидал, стоя позади отца и матери, пока папа римский Стефан в снежно-белых одеждах, с позолоченной лентой вокруг худой шеи благословлял новый алтарь из гладкого мрамора. Хотя Карл многого не понимал из того, что нараспев произносил папа, он осознал, что старый Стефан обращается ко всему небесному воинству с просьбой дать силу алтарю – к апостолам, архангелам, святым, великомученикам и другим подданным Бога.

Вслед за этим Стефан выполнил церемониальный обряд, подведя Пипина к алтарю и провозгласив его великим человеком, королем франков и «римским патрицием». После чего Стефан из крошечного серебряного рога капал сладко пахнущим маслом на круглую голову Пипина. Он помазал его на царство точно так же, как когда-то другого царя, Давида, помазали в прекрасном Иерусалиме.

Затем Стефан совершил нечто удивительное. Он вывел вперед Бертю и окропил маслом ее прекрасную голову. И она уже была не простолюдинкой, а королевой франков. Как безмерна была ее гордость, когда она повернулась и посмотрела на изумленную безмолвную толпу герцогов, графов, рыцарей и епископов.

Когда подошла очередь Карла преклонить колени перед Стефаном, он отчетливо услышал: «Благородный муж, королевский сын, римский патриций».

Таким образом, его провозгласили благородным сыном короля и «римским патрицием». Значения слова «патриций» он не знал. В настоящий момент он ощущал только холодные капли масла на коротко стриженных волосах и восторг оттого, что его назвали благородным сыном Пипина.

После этого он вновь занял место рядом с Фулрадом, первым в ряду рыцарей, и тогда произошло нечто, к чему он совершенно не был готов. Старая усталая женщина подала Берте ребенка, его брата. Пока Берта держала маленького Карломана, слабый Стефан совершил тот же обряд, объявив ребенка благородным сыном и «патрицием».

На мгновение Карлу захотелось расхохотаться. Действительно, смешно было считать этого крошку «патрицием». И тут он увидел, что Берта вся покраснела от ликования.

Мгновенно, как удар ножа, Карл ощутил острый укол ревности. То, что ему даровали в знак уважения, не следовало бы дарить маленькому ребенку. Карл почувствовал глубокую обиду, но тотчас же решил, что никогда не заговорит об этом.

Размышляя над почестями, поделенными между ним самим и Карломаном, он мало обращал внимания на то, что Стефан произнес, обращаясь ко всем собравшимся. Во-первых, он не мог свободно следить за книжной латынью, во-вторых, остальные герои-франки, похоже, не знали, как должным образом реагировать. И когда горстка священников тянула: «Во веки веков – аминь!» – остальные дворяне, праздновавшие торжественный день, оглушительно кричали: «Виват!»

Но отдельные слова все же привлекли внимание Карла: «Вперед вы должны верно и преданно служить вашему королю, его наследникам, и никому другому».

В этот момент подросток немного утешился тем, что тесными узами связан с отцом. Только потом он осознал, что этими словами папа римский поставил семью Пипина особняком в качестве правителей. Его сыновья и сыновья его сыновей должны будут править королевством франков, невзирая ни на рыжих Меровингов, ни на многочисленную могущественную знать. Пипин закрепил трон за своей семьей как за королями по рождению.

Лишь много позже Карл понял, что Пипин, должно быть, договорился со Стефаном. На сейме «майского поля» Пипин убедил колеблющихся дворян перейти через Альпы и помочь церкви Святого Петра, а здесь в церкви Стефан объявил, что Пипин будет королем не просто по имени, а по праву. Никто из находившихся в церкви не посмел возразить. По крайней мере, никто и не пытался.

Когда мужчины отправились на торжественный пир в трапезную монастыря, Карл на своей лохматой лошадке галопом поскакал через поля к реке. Он больше не чувствовал уколов ревности. К этому способу Карл прибегал, будучи оскорбленным или чем-то встревоженным. Тогда он садился в седло и скакал до тех пор, пока пульсирующая кровь в его теле не проясняла голову.

Он быстро скакал вдоль реки, объезжая хижины и коровники. Заметив группу обнаженных купающихся юношей из дворца, Карл осадил лошадь и бросился на горячий песок, срывая с себя мокрую от пота льняную рубаху. Но он оставил на себе замечательные туфли из Кордовы, чтобы подойти к воде. Юноши, хорошо знавшие Карла, приветствовали его как нового «римского патриция».

– Мы, герои Рейна, – закричал один, – обходимся без всяких патрицианских штучек! Мы достаточно сильны, чтобы целовать девушек и повергать своих врагов наземь одним ударом меча – банг!

– И ножами взрезать им кошельки и глотки – чик! – в тон ему отозвался Карл.

Он не мог сразу отплатить едкой насмешкой, однако сумел придумать подходящий ответ. Нырнув в реку, он поплыл на другой берег и обогнал всех пловцов. Уже сейчас Карл мог превзойти многих взрослых мужчин в плавании, верховой езде и выслеживании зверя.

Когда Керольд с прислуживающими мальчиками принес холодное пиво благородным пловцам, Карл осушил свой кубок раньше остальных. После того как пиво охладило его тело, он придумал еще один ответ:

– Из всех героев-франков самый страшный удар мог нанести только мой дед и тезка Карл, потому что ему не нужны были меч или булава. Голым кулаком он мог проломить череп медведю.

– Тогда его кулаки были стальными и из них торчали обломки кремня!

– С мечом в руках, – продолжал Карл, пропуская мимо ушей эту реплику, – кто может сравниться с моим отцом Пипином?

– Лев и бык! – хором отозвались мокрые пловцы. – Расскажи нам о мече, льве и быке, как Пипин разделался с ними.

Карла не пришлось просить дважды. Он наполнил кубок, выпил и постарался, чтобы его пронзительный голос стал низким.

– Однажды Пипин сидел на своем походном стуле в окружении благородных сеньоров. Сначала на поле выскочил разъяренный бык. За ним последовал голодный, жаждущий крови лев. Лев прыгнул на спину быку, чтобы сломать ему шею. И Пипин крикнул своим подданным: «Благородные сиры, оторвите этого зверя от быка или убейте его, если вас не затруднит!» Благородные сеньоры задрожали в ужасе, и ни один из них не сдвинулся с места.

Мальчики с пивом и пловцы затаили дыхание, чтобы лучше слышать, так как им очень нравилась эта история, хотя они слышали ее много раз.

– Когда Пипин увидел, что они застыли на месте, – продолжал Карл, – он вскочил и выхватил свой меч из лучшей стали. Этим мечом он нанес всего один удар. Лезвие меча пронзило шею льва. Затем проткнуло шею быка и глубоко вошло в землю. Это был такой удар, который редко видят глаза людей. Франкские герои, увидев это, задрожали от страха и лишились дара речи. Разделавшись таким способом и со львом, и с быком, Пипин вложил меч в ножны и вернулся на свое место.

Выслушав историю, все развеселились и стали пить на согретой солнцем траве. Вытянувшись, Карл ждал, пока просохнет кожа, радуясь доброму товариществу и броску через реку, где он был первым среди пловцов.

Он скрыл от своих товарищей ту боль, которую причиняли воспоминания об утреннем помазании Карло-мана. Это было нечто личное, о чем ему не хотелось говорить.

Годы шли, и он научился таить в себе подобные обиды.

В 13 лет Карл вымахал выше шести футов. Обладая крепким сильным телом и мощной шеей, он мог без усталости носиться по лесам и запросто переплывал свои любимые реки Маас и Рейн. Его большая неугомонная голова с длинным носом и узкой щеточкой темных усов отличала его как настоящего Арнульфинга, потомка первого Орла-Волка. У него был такой пронизывающий взгляд широко раскрытых серых глаз, какой бывает у тех, кто постоянно выслеживает добычу в густой чаще. Но некоторая неуклюжесть еще оставалась, и голос Карла, когда он кричал, был таким же пронзительным, как у подростка. Когда он хохотал, то двигал ушами вперед-назад, словно буйное веселье в голове передавалось телу.

Он выглядел моложе своих лет, и ему суждено было остаться таким. Молодой Карл с радостью мчался верхом на коне впереди своих спутников, пускал стрелы или метал копья прямо с седла, делил оленину и медвежатину со своими голодными товарищами, щедро раздавал свои доходы, слушал восхваление его силы и ответный хор ликующих голосов. Он не любил, когда товарищи покидали его, оставляя наедине с собственными мыслями.

Так же как сокольничие и лесничие, следовавшие за ним в стремительной скачке, он одевался в вызывающую зуд фризийскую шерсть и кожу для защиты от холодов и сырости. Он чувствовал себя свободно со своими оруженосцами и веселыми юными деревенскими девушками и всегда мог приковать их внимание какой-нибудь историей или песней. Такому Карлу невозможно было сопротивляться. Женщины быстро уступали энергии его тела в сочетании с непреклонной волей.

Другой же Карл, одинокий, молчаливый, сознавал собственное невежество и беспомощность, когда из-за этого он допускал промахи. Его отец, в отличие от Карла, был уверен в себе. Подстрекаемый честолюбивой матерью Карла, он преодолевал опасности с легкостью Мефистофеля. Младшая сестра Карла Гизела была серьезной, спокойной и в то же время отделившейся от остальных.

С каждым годом его младший брат Карломан все больше завоевывал всеобщую любовь. Монахи обители Святого Дени, бывшие наставники Пипина в его молодые годы, стали учителями мальчика. Фулрад уделял все свое внимание мальчику, который так легко овладевал латынью. Совершенно очевидно, что Карломану были присущи проницательность и рассудительность отца.

В течение этих тринадцати лет во франкских хрониках почти не упоминается имя Карла. Он не сопровождал своего отца в двух успешных походах через Альпы в Италию. Вообще говоря, это умалчивание в записях не так уж удивительно. Записи велись, если вообще велись, добросовестными писцами в монастырях, стоявших на перекрестках дорог, куда путники доставляли сведения о тех или иных событиях. Эти монахи-хронисты очень тесно умещали слова на клочках поцарапанного пергамента, потому что папирусная бумага времен римлян с Востока больше не поступала. Таким образом они записывали важные события каждый год со дня Сотворения мира. По их подсчетам, прошло 5960 лет с тех пор, как Бог создал небо и землю.

Они отмечали эпидемии чумы, появление в небе комет, чудеса и редкие события, вроде «прибытия органа в землю франков». Один такой хронист упомянул о Карле в 763 году: «Вновь король Пипин с армией и старшим сыном по имени Карл вторгся в Аквитанию и захватил много замков». Другой хронист, Адо из Вены, добавил, что, «взяв Клермон, они сожгли его дотла». Из их молчания явствовало то, что Карл служил своему отцу безропотно и ничем особым не выделялся.

В остальных случаях новости передавались в переписке между королевским дворцом и дворянскими поместьями. Не то чтобы Пипин и его сеньоры умели писать; они просто ставили свой знак под текстом писца.

В одном письме папа римский убеждал Пипина не разводиться с женой Бертрадой.

Трудно объяснить, почему Пипин хотел избавиться от матери Карла. Тем не менее именно тогда их самый младший сын умер вскоре после рождения. Берта достигла зрелого среднего возраста, ей было далеко за сорок. Властная королева франков совсем не походила на ту хорошенькую скромную любовницу, подарившую жизнь Карлу.

И Пипин, как это делали до него все крестьяне Арнульфingi, укладывал с собой в постель молодых девушек. Вследствие чего Берта, без сомнения, решила заняться политикой.

В этом она противопоставила себя Пипину и тем самым совершила ошибку. Поэтому от папы пришло письмо, предупреждавшее короля, чтобы тот не разводился с женой. В их размовке Карл, должно быть, тянулся больше к матери, очень любившей его.

Карл женился на женщине, которую звали Гимильтруда. Известно только ее имя и то, что была она не из знатной франкской семьи и не вызвала никакого переполоха при дворе. Гимильтруда родила ему единственного сына, которого называли Пипином, следуя традициям Арнульфингов, дававших имена либо Карл, либо Пипин.

Однако очень скоро стало видно, что десница Господа коснулась этого ребенка. Насколько красив он был лицом, настолько хил телом, с растущим горбом, заставлявшим его поглядывать искоса на отца. Пипин с лицом ангела и горбатой спиной.

По иронии судьбы, у здорового, крепкого Карла родился сын, столь не похожий на короля Пипина, который никогда не прощал слабости. Слабый горбатый мальчик принадлежал как бы другому Карлу, одинокому, и нуждался в любви и защите. А у Карломана оба сына были достаточно крепкими.

В год своей встречи со Стефаном Карл воспринимал свою семью и бродячий образ жизни как должное. Теперь, похоже, он воспринимал землю франков, которой правил его отец, тоже как должное. Не имея права ни на какой участок, он превратил отдельные земли в свою собственность необычным способом. Никто не забирался так далеко от дома, как он, выполняя какую-нибудь миссию или просто охотясь. Он продирался сквозь лесные дебри там, где стояли заброшенные города, о которых никто не знал. Некоторые из этих мест он превратил в свои заповедники, поставив егерей охранять лесные тропы, чтобы никто, кроме него, не охотился на оленей, медведей и диких быков. В результате мрачные ущелья Арденн⁷, сосновые делянки, заброшенные добытчиками древесного угля, и пустынные вершины Vogezов стали маленькими владениями Карла.

Даже при отсутствии сведений о ранних годах юноши очевидно, что если Карл что-нибудь захватывал, то из рук уже не выпускал. В этом отношении он был очень неподатлив.

Он любил отдыхать в одной скрытой от глаз долине поблизости от Мааса, расположенной недалеко от Кельна («колонии» времен Римской империи), по которой текли чистые воды Вюрма, богатой дичью, с охотничьими угодьями – небольшим леском. Место это находилось в стороне от крупных речных артерий и выложенных камнем военных дорог римлян, которыми до сих пор пользовались франки. В долине имелись серные источники, образовавшие маленькие бассейны, где путники могли искупаться. Деревушка вблизи источников носила древнее название Аква-Гранум, что могло бы означать «Целебная вода» для ее давно исчезнувших обитателей.

Эту долину Карл страстно желал для себя.

Земля франков, подобно долине Аква-Гранум, лежала в стороне от внешнего мира, в бассейне рек Рейна и Луары. По причине быстрого прихода в упадок и зарастания древних пахотных земель эти реки служили пограничными барьерами и одновременно путями сообщения. В отсутствие дорог люди на небольших суденышках часто путешествовали по воде; Карл мог оснастить рыбачью лодку кожаным парусом и по горным рекам спуститься с отрогов Альп, достичь течения Рейна и каменных бараксов римского легиона в колонии (поселении).

Минуло почти три столетия, как те римские легионы ушли в небытие, и с ними вместе ушла устойчивая система управления армией и поселенцами при помощи твердых законов и действующих путей сообщения, паутиной раскинувшихся по всему известному миру.

На Западе, в отличие от других варварских народов, древние ремесла вымирали. В своих скитаниях вестготы пересекали многие границы, пока не обосновались в Испании. Остготы осели в самой Италии, куда за ними последовали агрессивные лангобарды. Даже непредсказуемых вандалов более воинственные племена вытеснили за море на гостеприимное побережье Северной Африки.

На соседний остров Британию, где городская жизнь римлян дышала на ладан, хлынули орды морских бродяг, англо-в, саксов и ютов. Франки не могли похвастаться чудесами цивилизации, даровавшими миру боевые колесницы и сборщиков налогов.

Слово «франк» могло означать «блуждающий» или «свирепый». В памяти этого народа хранились воспоминания о тяжелой жизни на туманном побережье Балтийского моря. Их

---

⁷ Arduenna Silva – Горькие Леса.

легендарный князь Меровей – сын Моря – был племенным вождем. После того как его подняли на щит воины, он правил, подчиняясь собственным прихотям и желаниям родов. Лесные жители прорубали себе путь топорами, в лесной чаще и в сражениях, медленно продвигаясь вверх по течению Рейна от балтийских пустошей до плодородных земель. Там обосновались австразийские франки. Остальные двинулись к реке Сене и осели в области, называемой Нейстрией. Затем, объединившись под началом короля Хлодвиг, оттеснили вестготов на юг Галлии.

Зарывшись в свои леса, полагаясь только на собственные силы, борясь с лишениями и голодом, они питались тем, что добывали в лесу и выращивали на своей земле. Топоры они сменили на более эффективные мечи, и искусный кузнец был почти волшебником. Лошадей, на которых пахали землю, они превратили в боевых коней, слагателей саг – в бардов, а своих наследных королей – в беспокойных правителей, у которых жизнь была коротка. Власть королей ограничивала совет воинов и старинную племенную традицию личной свободы. Город означал для франков толпу людей, строивших хижины. Цивилизация для них была лишена всякого смысла, если не считать церковных обрядов и редких священных книг, повествовавших о волшебном райском саде и муках грешников. Предметы цивилизации иногда попадали к ним или со Средиземного моря с арабских торговых кораблей, или из далекого сказочного Константинополя, где император обитал в мраморном дворце, где росло золотое дерево, пели украшенные драгоценными камнями птицы и играли органы.

Возможно, предки франков рыскали вдоль Балтийского побережья на рыбацких судах, а может, и на ладьях-драконах. Это были самые смутные воспоминания о золотом веке Меровингов, когда здание римского могущества и власти еще не рассыпалось на обломки акведуков, терм и амфитеатров, за которыми никто больше не следил, и они потеряли всякое значение. Ничто не могло заменить могущество исчезнувших цезарей. Причалы в таких портах, как Булонь, опустели и заросли сорняками.

Франки постепенно расширяли свои владения под предводительством таких бойцов, как Хлодвиг и Дагоберт. Карл Молот привил франкам вкус к победам. Пипин, планировщик, действовал осторожнее, избегая рискованных сражений и стараясь укрепить связь с храмом Святого Петра. Он добивался, чтобы ядро Франкского государства стало средоточием власти на пути между языческими пограничными областями и центрами слаборазвитой культуры в Аквитании и Ломбардии. Пипин объявил, что те, кто присоединится к Франкскому государству, могут следовать собственным законам и не подчиняться законам франков.

Однако за пределами владений франков была в ходу поговорка: «Франку можно быть другом, но не соседом».

В те годы Западная, христианская, Европа тонула в глубокой тьме веков. Происходило хаотическое перемещение, «великое переселение народов», говорящих на разных языках; не существовало той силы, которая могла бы упорядочить это движение. Славное прошлое постепенно забывалось, а на будущее не было никакой надежды.

Душами людей владела только страстная мистическая вера в конец света, связанный со вторым пришествием Христа.

И все-таки ощущалось какое-то оживление в жизни, словно в муках рождалось нечто неведомое. Две личности боролись за право обладать властью – вождь напирющих франков и глава церкви Святого Петра. Пипин, подумав, протянул руку Стефану, папе римскому.

Но тяжесть стального меча перевесила авторитет святого отца.

Странно, но сопротивление Пипину шло из наиболее просвещенных областей – восточной границы и далекого юга. На востоке племена баваров имели доступ к торговой водной артерии – Дунаю – и поддерживали связь с богатым народом лангобардов из Италии. Баварский герцог Тассилон, такой же молодой, как и Карл, облачался в роскошный алый бархат, а на руках, как король, носил золотые браслеты. Тассилон доводился Пипину племянником, но

при этом утверждал, что он жених лангобардской принцессы, и повсюду таскал с собой парикмахера и поэта. Герцог хвастался, что заслуживает своего Вергилия⁸. Карл последнего не знал.

Как-то летом, после давно прошедшего дня «майского поля», король Пипин ожидал на песчаном берегу стремительной реки Луары прибытия Тассилона с отрядом баваров в ответ на призыв к оружию. В период между севом и сбором урожая Пипин предпринял поход в глубь Аквитании, где герцог, как обычно, оказывал ему открытое неповиновение в течение всей зимы. С ба-варами он собирался дойти до Пиренеев и подавить их сопротивление.

Когда Тассилон наконец появился с отрядом вооруженных всадников, он, облаченный в красную мантию, вразвалку прошел между рядами личной охраны Пипина. Тусклые темно-красные накидки солдат, насквозь промоченные дождем, походили на мешки для фруктов. Карл, стоя за спиной Пипина, никогда прежде не замечал, как нелепо выглядит охрана в этой форме, копирующей форму римлян. Но Тассилон острым взглядом сразу охватил и форму, и временные бараки франкского войска. У него тоже имелся свой план, весьма отличавшийся от плана Пипина.

Тассилон приветствовал своего дядю-короля и, извинившись, ответил отказом на приглашение к пиршественному столу, прямо заявив, что прибыл, следуя своему долгу, несмотря на то что слишком болен, чтобы участвовать в карательной экспедиции франков. Красивый и красноречивый, Тассилон совсем не напоминал больного человека.

– Моя искренняя добрая воля, – заключил он, – будет сопровождать вашу милость по дорогам войны или мира.

Пипин по своей привычке подумал, прежде чем ответить.

– Ты поклялся, – наконец заметил он, – у гробницы святого Илии являться без промедления в ответ на мой призыв к оружию.

Тассилон возразил с несколько меньшей высокомерностью, что он, безусловно, сдержал бы клятву, если бы позволило здоровье. Будучи больным, он не смог этого сделать.

Упрямый Карл бросил бы своему кузену вызов, обвинив в дезертирстве перед лицом врага. Однако он не получил сигнала от Пипина. Кроме того, Тассилон находчиво представил дело так, словно это была не война, а простой поход.

Пипин долго размышлял. Если бы дело дошло до открытой схватки с хорошо вооруженными баварами, его войско могло понести тяжелые потери и не справиться с восставшими аквитанцами. В конце концов он позволил Тассилону беспрепятственно удалиться.

– Не следует иметь больше одного врага одновременно, – пояснил он своему внебрачному сыну.

Карл не понимал, что Пипину известна причина, по которой не следовало испытывать боевую силу франков.

Впервые ему показалось, что Пипин проявил слабость. Действительно, в последнее время его отец выглядел медлительным и частенько сидел, погруженный в дрему, на своем высоком резном стуле. Руки и ноги у него опухли, а под глазами образовались мешки.

– Его собственная глупость, – разразилась Берта гневной речью, – заставила его искать помощи за тридевять земель, и где? У гробницы святого Петра! Есть ли у этого папы римского хоть один копейщик или хотя бы захудалый лучник, чтобы отправить их на войну? Нет, ни единого.

Ее чисто женская язвительность подогревалась тем уважением, которое она прежде испытывала к Пипину, дерзкому воину, предпочитавшему теперь переговоры и мир. Она также обратила внимание на царственное величие Тассилона и его свиты. В своем воображении она представляла его красную мантию плащом архангела. Кроме того, она ждала от Пипина, что тот будет править мелкими сеньорами Зальцбурга и Тулузы как покорными вассалами. У

---

⁸ Вергилий (70–19 до н. э.) – римский поэт.

нее бы возросло чувство собственного достоинства, потому что в глазах других женщин ее положение в обществе стало бы выше. Особенно в глазах этих жеманниц из роскошной Тулузы и надменных южанок из Прованса и садов Оверня, где было гораздо красивее, чем в ее собственных крытых соломой поместьях в Суассоне и Вормсе. К тому же эти женщины не упускали случая напомнить о том, что их предки принадлежали к римской знати.

По мнению Берты, Пипин терял хватку.

После того как бавары отбыли восвояси, Пипин повел своих франков через Луару. Карлу казалось немыслимым то, что Тассилон, здоровый мужчина, дезертировал, а его больной отец продолжал воевать.

Уже в третий раз Пипин повел франкские войска на юг. На этот раз в 768 году от Рождества Христова он ехал на лошади в паланкине. В хрониках того года говорится, что он «отправился в поход после пасхальных праздников, оставив дома королеву Бертраду с семьей».

Он дошел со своим войском до подножия Скалистых гор, последнего оплота его врага. Там герцог Аквитанский был убит своими же людьми, уставшими от войны, и никого больше не нашлось, чтобы выступить против Пипина. Но сам Пипин занемог, так и не успев наказать Тассилона за клятвопреступление и дезертирство.

Моментально его паланкин был доставлен туда, где ждала Берта. Мимо Пуатье, где с желтых полей снимался урожай, где Карл Молот разбил мусульманских всадников, через золотистую Луару его и доставили в монастырь Святого Мартина в Туре. Пипин пожертвовал монастырю целое состояние в надежде, что святой Мартин вылечит его.

«Оттуда он отправился, – повествуют хроники, – в Сен-Дени, где умер 8 октября». Его похоронили под полом базилики рядом с могилой Карла Молота.

Глава 2

РЕЙД НА КОРБЕНИ

Пройдет немного времени, и друг Карла Алкуин опишет тот период как «эти мрачные дни стареющего мира».

Точно так же, как в семье Карла давно уже не было согласия, так и его королевство зашаталось после смерти Пипина. Возможно, коренастый Пипин окончательно выдохся в своих последних военных кампаниях. Шаткое господство над полудюжиной варварских народов, которые он покорил, целиком зависело от его, Пипина, личности. После него не осталось твердой власти, которая могла бы управлять государством.

Молчаливый Пипин не позаботился заранее о своем преемнике. Ни Карлу, ни Карломану он не передавал никаких земель, где они могли бы править самостоятельно. Лишь за день до своей смерти он завещал половину королевства Карлу и половину его младшему брату. Согласно воле покойного, Карл получал во владение часть государства от Аквитании до Тюрингии вдоль морского побережья и среднего течения Рейна вплоть до Баварских Альп. Карломан должен был править в средней части, включавшей Бургундию, веселую Тулузу и тучный Прованс.

Таким образом, Пипин поставил перед мощным стремительным Карлом задачу по охране границ, а Карломану, как более талантливому, выпало поддерживать порядок в сердце государства.

Покорные воле короля, знатные франкские сеньоры торжественно сопровождали братьев на север, где, подняв Карломана на щит, его провозгласили королем франков в Суассоне. Карл был провозглашен королем франков по другую сторону границы, в Нойоне.

И оба брата никогда больше не встречались. Они просто враждовали. И с этого момента отношения двух братьев окончательно перестали носить дружеский характер. Они настолько враждебно относились друг к другу, что малейшая искра привела бы к открытому столкновению. Вместе с Карломаном уехали мудрейшие советники – архикапеллан Фулрад, канцлер герцог Окер и молодой Адальгард. С Карлом не осталось никого из могущественных сеньоров. В возрасте 26 лет он стал королем, и это не принесло ему ни славы, ни почестей.

Возможно, растерявшись, он поддался влиянию своей честолюбивой матери. Для Берты смерть Пипина означала освобождение, сосредоточение власти в собственных руках и желание делать все наперекор тому, к чему Пипин стремился всю жизнь. Вместо Франкского государства, управляемого волей одного человека, она жаждала спокойствия и высоких титулов для обоих своих сыновей. Почему бы им не объединиться в союзе с семейством великолепного Тассилона и семейством далекого лангобардского короля? И закрепить союз брачными узами? Это было такое простое и удачное решение – четыре короля западного христианского мира, объединенные родством и преданностью друг другу, которых вдохновляла бы вдовствующая королева-мать Бертрада.

Карл не возражал. Он объезжал новые владения вместе со своим похожим на гнома сыном. Карл смутно желал обеспечить этого маленького Пипина почетом и положением в обществе, коих сам он никогда не знал. Берта знала больше, чем он, о порядках при дворе. Подобным образом он мог бы продолжать бесцельно и лениво объезжать границы – в своем первом указе он скромно именовал себя лишь «преданным защитником церкви», – если бы не вспыхнувшее на юге восстание. Некий Гунальд, возникший как дух из монастыря, поднял Аквитанию на борьбу с новыми королями Арнульфingами.

Это уже было настоящее дело. Возбужденный Карл отреагировал немедленно и отправил гонца к брату с просьбой привести вооруженный отряд после весенних полевых работ с тем,

чтобы вместе отправиться в поход. Сам Кёрл быстро собрал армию в Рейнской области и на побережье и поспешно выехал навстречу Карломану.

Но более осторожный брат не собирался кидаться в огонь сражения; он считал, что это обязанность Карла – охранять границы. Угрюмый Карл точно в духе Пипина предоставил брату идти своей дорогой. Очевидно, что у него не было четкого плана, но Карлу сопутствовала удача. В нетерпении он двинул вперед лучших всадников с копьями наперевес, и Гунальд предусмотрительно отступил к холмам Гаскони.

Преследуя его по пятам, Карл сделал остановку за рекой Гаронной, помня о том, что его могут внезапно атаковать. Пока на скорую руку сооружался каменный форт, он отправил гонцов к герцогу Гасконскому с требованием выдать предателя Гунальда:

– Я пришел в Гасконь и без него не уйду.

Это была чистая похвальба, вызванная эмоциональным душевным подъемом. Однако опрометчивый рейд Карла поверг страну, где никто не знал его истинной силы, в смятение. Очень скоро мятежника Гунальда, связанного по рукам и ногам, доставили Карлу. Тот рассмеялся собственной удаче, воздал почести всем, кто преданно следовал за ним, а своего врага отправил обратно в монастырь.

Это походило на охоту в незнакомом лесу. Когда немногочисленный отряд франков, сделав круг, спускался с холмов, то они увидели далеко на юге серые скалистые вершины Пиренеев и небольшую расселину, отмечавшую Ронсевальское ущелье.

Внебрачный сын Пипина мог бы спокойно почивать на лаврах, довольный своей легкой победой, одержанной скорее благодаря быстрым коням, нежели острым мечам. Но тут вмешалась его мать.

Франкские, а также более поздние немецкие и французские хроники пестрят описаниями бедствий, причиной которых были красивые энергичные женщины. В эпосе «Песнь о нибелунгах» доблестные воины погибают, как правило, по причине ссоры их брунгильд. Арнульфingов всегда привлекали необыкновенные женщины, и Кёрл в этом отношении не был исключением. Берта, прекрасно об этом осведомленная, надеялась руководить сыном во время его царствования.

Королева-мать покинула королевство франков и отправилась в долгое путешествие, не раскрывая своих целей. Теперь она возвращалась с триумфом. Берта привезла Карлу предложение жениться на молодой лангобардской принцессе. Кроме того, она познакомила сына с уже запущенной в действие совершенно новой политикой, разрушающей то, что создавал Пипин.

Намерения Берты были ясны. Главным образом она стремилась примирить сыновей. Упрямый Карл не мог простить Карломану дезертирства в Аквитанию. Кроме того, он не мог согласиться с претензиями Карломана на половину лесных угодий в Арденнах. Инстинктивно Берта понимала, что в сражении неуклюжий визгливый Кёрл одолеет более мягкого правителя с берегов Сены. В то же время образованная, развитая жена прибавила бы достоинства неотесанному Карлу.

Успех ее путешествия превзошел все ожидания. Но Берта и сама была удивительной женщиной. Вероятно заручившись поддержкой могущественных сеньоров, советников Карломана, она уговорила младшего сына вступить в союз с баварским герцогом Тассилоном и лангобардским королем Дезидерием. Женив Карла на девушке из королевской семьи, она вовлекла бы непокорного сына в этот четверной союз.

В своих действиях Берта полностью игнорировала единственный союз Пипина Короткого с главой церкви Святого Петра. Пипин в своих итальянских походах наголову разбил лангобардов, которые жаждали завладеть всей Италией – и Римом. Он поклялся защищать шаткую христианскую церковь за стенами Рима. Однако Берта и там произвела хорошее впечатление. Она сделала вид, что совершает паломничество к храму Святого Петра, одновременно намекая, что явилась с миссией мира.

– Да будут благословенны посланцы мира, – напомнила она Карлу, рассказывая о своей триумфальной миссии.

Она не упомянула о страшных бедах, которые могли обрушиться на церковь Святого Петра и ее главу. Можно с уверенностью утверждать, что король лангобардов Дезидерий всячески превозносил ее план и засыпал королеву обещаниями мира и благоденствия. Для него было бы подарком судьбы избавиться от угрозы со стороны опасных франков – иметь зятем Карла, старшего из двух братьев-королей, занятого умиротворением далекой Аквитании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.